

- Gimbutas M. 1973.** The Beginning of the bronze age in Europe and the Indo-Europeans 3500-2500 B.C. // Journal of Indo-European Studies. V.1/2.
- Gimbutas M. 1994.** Das Ende Alteuropas. Der Einfälle von Steppennomaden aus Südrussland und die indogermanisierung Mitteleuropas // Archaeologia Alapitvány. Budapest.
- Govedarica B. 1998.** Das Problem der Suvorovo-Gruppe in den Ost-West-Beziehungen // Das Karpatenbecken und die Ostäuropäische Steppe. München.
- Govedarica B. 2004.** Zepferträger — Herrscher der Steppen // Internationale Interakademische Kommission für die Erforschung der Vorgeschichte des Balkans. Monographien. Bd.VI. Mainz-am-Rhein.
- Haheu V., Kurciatov S. 1993.** Cimitirul plan eneolitic de linga satul Giurgiulești // Revista Arheologica. №1. Cișineu.
- Harțuche N. 1987.** Cercetările arheologice de la Lișcoteanca // Istros. T.V. — Brăila.
- Harțuche N., Bounegru O. 1997.** Săpăturile arheologice de salvare de la Medgidia, jud. Constanța (1957-1958) // Pontica. XXX. Constanța.
- Hașotti P. 1989.** Observatii privind cultura Gumelnița în Dobrogea // Pontica. XXI-XXII. Constanța.
- Kovacs I. 1944.** A Marosdecsei rezkori temeto // Kozlemenyek. IV.1-2.
- Lăzurcă E. 1991.** Ceramica cucteniana in contextul asezarii gumelnitene de la Carcaliu (județul Tulcea) // Peuce. X.
- Levițki O., Demcenko T. 1994.** Grupul tumular de la Corjeuți — Briceni (R.Moldova) // Memoria Antiquitatis. XIX. Piatra-Neamț.
- Machnik J. 1979.** Krag kulturowy ceramiki sznurowej // Prahistoria ziem Polskich. T.II. Neolit. Wroclau — Warszawa — Krakow — Gdańsk.
- Mantu C.-M. 1995.** Citeva considerații privind cronologia absolută a neo-eneoliticului din Romania // SCIVA. Vol.46/3-4.
- Manzura I.V. 1993.** The East — West Interaction in the Mirror of the Eneolithic and early Bronze Cultures in the Northwest Pontic // Revista Arheologica. №1. Cișineu.
- Popescu D. 1940.** La tombe à ocre de Casimcea // Dacia. VI-VIII. București.
- Simon M. 1986.** Unele probleme ale aspectului cultural Stoicani-Aldeni // SCIVA. Vol.37/1.
- Skakun N. 1996.** New excavations of a eneolithic settlement in the lower Danube region // Cucuteni. Biblioteca Memoria Antiquitatis. II. Piatra Neamț.
- Scanteia. 1999.** Cercetare arheologică și restaurare. Iași.
- Vančugov V.P., Brujiako I.V., Sirbu V., Niculița I.T. 1999.** Cercetările arheologice de la Novoselskoe II — Satu Nou. Campanile 1997–1998 // Cercetări arheologice in aria Nord-Traca. București.
- Važarova Ž. 1988.** Zoomorphes Zepfer aus Kjulevča, Bezirk Šumen // Studia Praehistorica. 8. София.

SUMMARY

The problem «Tripolje and Steppe» is considered. The author makes a hypothesis that the relationships of bearers of cultures and cultural groups of Eneolithic and Early Bronze Age in the south of East Europe implemented within the system of dual organizations. Along with steppe cultural groups, Tripolje-Cucuteni, Gumelnitza, Cernavoda I cultures (in Early Eneolithic period, probably, also the Premaikop Culture of the Northern Caucasus) were included in different two-class structures (moiety systems). These dual organizations were territorial by nature. The author supposes that the dual organizations integrated different ethnic collectives, which were distinguished in their economic specialization — farmers and herders.

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ГОРОДИЩА КАРТАЛ¹

Многослойный археологический памятник — городище Картал — располагается на левом берегу Нижнего Дуная у с. Орловка Ренийского района Одесской области. Несмотря на то, что первые известия о находках древностей в этом районе связаны именно с названием «Картал» (Мурзакевич 1844: 628), в наши дни подавляющему большинству исследователей этот памятник известен как «городище у с. Орловка», «городище Орловка-I», «Каменная Гора».

«Картал» становится «Орловкой» уже после Второй мировой войны, когда Бессарабия в очередной раз вошла в состав России (СССР). Подобная инверсия названий станет абсолютно понятной, если учесть, по меньшей мере, два обстоятельства: во-первых, перевод с турецкого на русский слова «cartal» — «орёл»; во-вторых, не слишком богатое воображение советских чиновников, проявившееся в том числе в выборе новых названий для сёл Южной Бессарабии. Наряду с типично украинской советской топонимикой («Жовтневое», «Першотравневое», «Червоноармейское» и пр.), зачастую, названия молдавских, болгарских, гагаузских сёл просто переводились на русский язык.

Как археологический пункт Картал становится известным не позднее конца 30-х — начала 40-х гг. XIX в. В 1840 г. (1841?) вблизи селения были обнаружены плиты с латинскими надписями. Сохранились сведения о находке 6 обломков таких плит и одном мраморном рельефе с изображением Аполлона и Артемиды на охоте

(Мурзакевич 1844: 628). Предметы были обнаружены в кургане, разрытом крестьянами для каких-то своих нужд. Сведения о находке поступили в Одессу, и в 1844 г. Картал посетил секретарь Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевич, который и приобрел для музея Общества эти памятники (ИРЕ, I², №1).² В 1848 г. на юг России отправилась научная экспедиция Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества, которую возглавлял граф А.С. Уваров. Экспедиция должна была, по возможности, обследовать и составить реестр всех наиболее значительных памятников Причерноморья. К тому времени находки из Картала уже были опубликованы, а кроме того, известно, что по приезде в Одессу А.С. Уваров познакомился с Н.Н. Мурзакевичем (Тункина 2002: 250-251).³ Возможно, что задача обследования местности у селения Картал и появилось в планах А.С. Уварова после этого знакомства. Как бы там ни было, именно военные топографы в составе экспедиции А.С. Уварова впервые детально обследуют местность вокруг селения и составляют подробный топографический план.⁴ Благодаря этому,

² К настоящему времени сохранилась лишь одна плита, которая находится в экспозиции ОАМ.

³ Вероятно, имеется в виду личное знакомство, поскольку переписка Н.Н. Мурзакевича с А.С. Уваровым началась ещё до приезда последнего в Одессу. Первое письмо от Н.Н. Мурзакевича в архиве А.С. Уварова датировано 20 февраля 1848 г. А в письме от 9 июня того же года Н.Н. Мурзакевич пишет: «Слух давно носится о Вашем приезде в Одессу, жду и не дожусь столь доброго и радостного дня» (ОПИ ГИМ ф.17, оп.1, л.415).

⁴ А.С. Уваров (Н.Н. Мурзакевич?) выяснил, что, помимо лапидарных памятников, в этом же кургане находились следы какой-то постройки. Он предположил, что это могли быть остатки башни, в стены которой и были вмонтированы отмеченные плиты (Уваров 1851: 184).

Статья написана при поддержке совместного гранта РГНФ и НАН Украины №23/08-01-9113а/У.

¹ Понятие «историческая топография», на мой взгляд, обозначает изменения ландшафта, вмещающего тот или иной археологический памятник, вызванные деятельностью его древних обитателей.

мы имеем полное представление о том, как выглядели окрестности городища 160 лет назад (рис.1). В дальнейшем, вплоть до второй половины 50-х гг. XX в., в научной литературе как будто бы нет упоминаний об археологических находках на городище.

В 1956-1957 гг. прямо на территории городища, в наиболее высокой, северо-западной, части (рис.2) началась разработка карьера по добыче сланца. В 1962-1963 гг. комиссия Одесского археологического общества, несколько раз посетившая памятник, признала положение угрожающим и пришла к заключению о необходимости проведения охранных раскопок (Головка и др. 1965: 68-69). С 1963 г. по 1993/4 гг. (с перерывами) на территории городища в весьма тесной связке работали археологи (Одесский государственный университет)⁵ и производственники («Облавтодор», «Облкарьероуправление»). Таким образом, охранные или, что более точно, спасательные работы велись «под снос» памятника.

После того, как в начале 90х гг. рентабельность карьера стала резко падать, работы здесь были свернуты, а вместе с ними завершились и исследования собственно городища, или т.н. «Каменной Горы». От первоначальной площади «Горы», которая составляла около 2 га (Бондарь 1984: 32)⁶, сохранилось не более 1500 кв. м (рис.2).

«Каменная Гора» (= «городище у с. Орловка») представляет собой естественное возвышение, которое венчает подтреугольный в плане мыс, простирающийся к западу от села. Абсолютная отметка наиболее высокой северо-западной части «Каменной Горы», по данным топографической съёмки Генерального Штаба Советской Армии 1949/1950 г. (т.е.

⁵ В 1963 г. экспедицию возглавлял И.Д. Головка. С 1964 г. и на протяжении 30 лет бессменный руководитель раскопок – доцент Одесского университета Р.Д. Бондарь.

⁶ Подсчёты площади акрополя по съёмке А.С. Уварова дают большую цифру — 3-4 га.

до начала разработки карьера), составляла +28,0 м. К югу и востоку поверхность «Горы» понижалась (в среднем +20,0 м). Верхняя горизонталь мыса имеет отметку +16,0 м (рис.2). Этот мыс является участком II надпойменной террасы низовьев Дуная (Михайлеску 1990: 74-82), геологический возраст которой (поздний плейстоцен) нас, в данном случае, не слишком интересует. Для дальнейшего изложения гораздо более важным представляется другое, а именно: совершенно очевидно, что мыс и «Гора» в недалеком по геологическим меркам прошлом представляли собой единое целое.

Однако, если геологическая стратиграфия мыса идентична всем прочим обнажениям II террасы Нижнего Дуная в этом районе (с. Новая-Некрасовка, Котловина, Криничное, Владычень и др.), то в отношении западной оконечности мыса («Каменная Гора») этого не скажешь. Именно здесь на поверхность выходят обнажения т.н. кагульской свиты зелёных сланцев нижнедевонского (средний палеозой) возраста. Мощность этой свиты по некоторым данным составляет 1000 м (Сулимов 1984: 28). Она залегает под углом примерно 40-50°, и, таким образом, пласты сланца выходят наверх из-под дунайского желоба. Расстояние до р. Дунай от «Каменной Горы» составляет примерно 1,5 км по прямой. Тем самым происхождение топонима «Каменная Гора» становится понятным.⁷

Уже в южной части «Горы» пласты сланца, уходя резко вниз, скрываются под современной поймой. Именно поэтому разработка камня здесь оказалась нерентабельной и именно поэтому этот участок

⁷ Сакральность этого природного объекта в глазах местного населения сохраняется и до настоящего времени. В местной фразеологии существует целый ряд поговорок, связанных с «Каменной Горой», местное, молдавское, название которой звучит более величественно — «Piatra Cartal» («Камень Картала»). Западная часть села, расположенная ближе к «Горе», до сих пор обозначается местным топонимом «Piatra» (молд. «камень»).

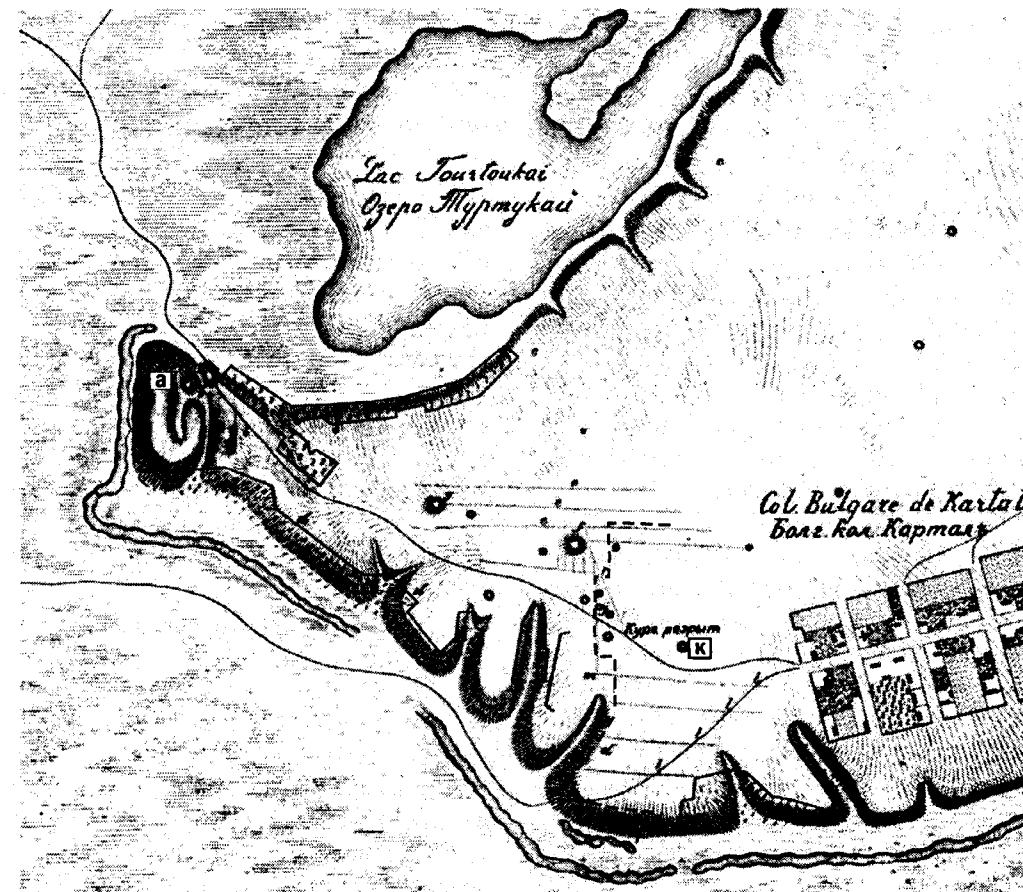

Рис. 1. Городище Картал в 1848 г. (по А.С. Уварову):

а – акрополь, к – место находки плит
 - - - - современная западная граница села

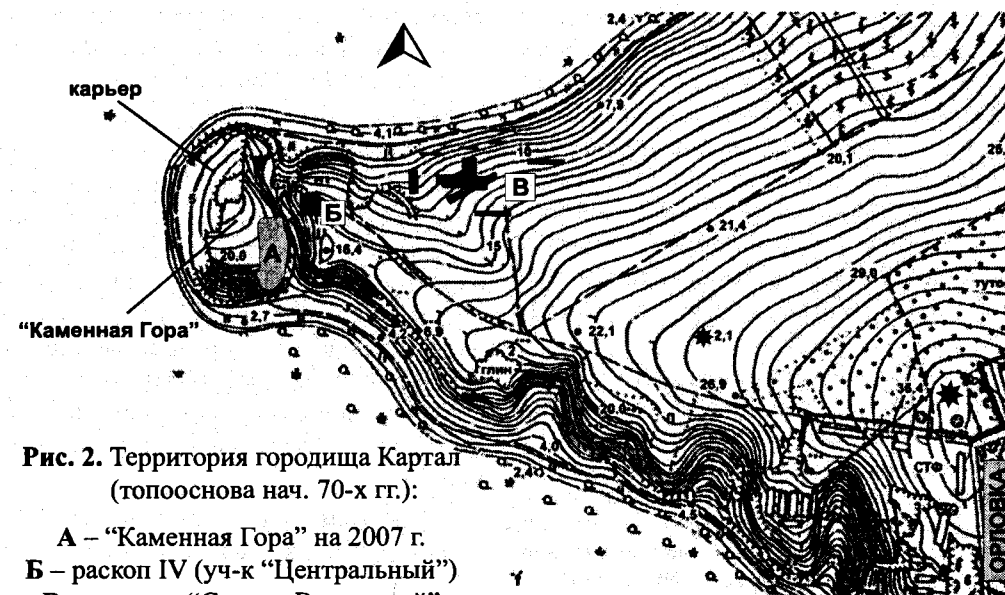

Рис. 2. Территория городища Картал (топооснова нач. 70-х гг.):

А – «Каменная Гора» на 2007 г.
 Б – раскоп IV (уч-к «Центральный»)
 В – участок «Северо-Восточный»

памятника сохранился в настоящее время (рис.2).

С запада, севера и юга «Гора» (или, во всяком случае, то место, где она находилась) в древности, как, впрочем, и в настоящее время, была окружена водой. Это естественные протоки (ерики) и открытые каналы, входящие в гидросистему Кагул — Дунай. Таким образом, доступ к поселению был открыт лишь с востока, со стороны современного села, куда и уходит, расширяясь, упомянутый мыс. В настоящее время останец «Каменной Горы» отделён от прочей части мыса достаточно глубокой балкой, в которой, действительно, нетрудно увидеть остатки древнего рва (Бондарь 1984: 31). Население, обитавшее на «Каменной Горе» в какую-то из эпох, решило отгородиться от напольной стороны и попросту перекопало мыс, отделив господствующую высоту («Каменную Гору») от прилегающей местности.

В начале 60-х гг. XX в. левобережье нижнего течения Дуная, включая берега придунайских озёр, начали активно обследоваться археологами. В 1962 г. в межозёрье Ялпут — Кагул проводила разведки Молдавская археологическая экспедиция.⁸ Именно тогда и было установлено, что восточнее уже известного на то время городища на «Каменной Горе» (Орловка-I) располагается поселение. Так появился пункт под названием «Орловка-II» (Черныш, Черняков 1964: 96). Трудно сказать, где конкретно, в какой части мыса тогда были найдены фрагменты керамики.⁹ Однако со временем стало очевидным, что ими усеян практически весь мыс, прилегающий к «Горе». Судя

⁸ Институт археологии АН СССР совместно с Институтом истории АН Молдавской ССР и Одесским археологическим музеем.

⁹ В публикации Е.К. Черныш и И.Т. Чернякова читателю предложена предельно абстрактная привязка — «восточнее городища...» (Черныш, Черняков 1964: 96). В своде археологических памятников Одесской области речь идёт о юго-восточном подножии «Каменной Горы» (Гудкова и др. 1991: 99).

по оплывшим котлованам прямоугольной формы с ориентировкой по сторонам света, Р.Д. Бондарь, помимо самой «Горы», проводила какие-то раскопки и на поселении «Орловка-II».¹⁰

Тем не менее, вплоть до последнего времени в археологической литературе фигурировали два отдельных местонахождения, которые разделяют полсотни метров (тальвег балки). Как два отдельных памятника Орловка-I и Орловка-II вошли в свод археологических памятников Одесской области (Гудкова и др., 1991: 99-100). Между тем, уже А.С. Уваров, исходя из общего впечатления о топографии памятника, считал, что древнее поселение занимало весь мыс, а не только «Каменную Гору» (Уваров 1851: 183).

Что же касается археологически обоснованных сомнений в такой обособленности, то они возникли вскоре после того, как «поселение Орловка-II» стало объектом исследования украинско-румынско-молдавской экспедиции 1998-1999 гг. Раскопки на довольно широкой площади (рис.3) позволили открыть культурные напластования, хронология которых соответствовала всему тому, что было известно о слоях на «Каменной Горе» из крайне скурых, единичных публикаций и устных сообщений, передаваемых из поколения в поколение археологами Одессы (Ванчугов и др. 1998; 1999; Vančugov et al. 1999).

Ситуация прояснилась почти окончательно после раскопок 2001 г., а раскопки сезонов 2002-2003 гг. делают уже абсолютно очевидным тот факт, что «поселение Орловка-I» и «поселение Орловка-II» суть один и тот же населённый пункт древности, который делился на укрепленную часть (акрополь) и предместье (посад). Предварительные результаты этих исследований, применительно к исторической топографии памятника, сводятся к следующему.

В нижних слоях раскопа IV/2001-2003 гг. (участок «Центральный») зафик-

¹⁰ Ближайшие раскопы отстоят от «Горы» на расстоянии 150-200 м.

сировано два последовательных горизонта обитания поселения, датированных эпохой энеолита. Причём дневная поверхность горизонта Ia (культура Гумельница) оказалась законсервированной в результате интенсивной строительной деятельности обитателей поселения следующего хронологического периода, который соотносится с культурой Чернавода I (горизонт Ib). Именно население периода Чернавода I выкопало глубокий (свыше 3 м) ров, который в разрезе имел форму, напоминающую перевёрнутую ступенчатую трапецию, и, судя по всему, выполнял оборонительные функции. К настоящему времени ров исследован на протяжении свыше 20 м. Конфигурация этого отрезка позволяет предполагать, что ров мог полностью ограничивать первоначальный (естественный) контур «Горы» с напольной стороны (рис.3-4).

По многочисленным бровкам-разрезам раскопа IV было отчётливо видно, как в процессе сооружения рва суглинок, выносившийся строителями на поверхность, довольно аккуратно укладывался на древний чернозём (горизонт обитания периода Гумельница) по обе стороны траншеи.¹¹ Таким образом, чернозёмный слой более раннего энеолитического горизонта оказался погребённым, что как нельзя лучше способствовало его консервации. Фактически здесь мы имеем дело с «куранным вариантом» консервации древней почвы. На ненарушенных позднейшими перекопами участках поселения в разрезах раскопа даже невооружённым глазом было видно, как уровень погребённой почвы, перекрытый материковым выбросом из рва, повышается с востока на запад, т.е. с напольной стороны по направлению к «Каменной Горе». Инструментальные замеры показали, что по линии кв. А/7-А/1 (рис.3) такое повышение составляет +30 см (на 14 м длины), по границе квадратов Б-В/7-3 — +20 см (на 10 м длины), а по линии кв. Г/7-Г/3 — +40 см (на 10 м). Иными

¹¹ Мощность этого выброса местами достигает 40 см.

словами, тенденция вполне устойчивая, а её корректность удостоверена тремя основными разрезами раскопа IV/2001 г. Еще один разрез, 2003 года (участок квадратов Д-К/3-7), демонстрирует нам ту же картину, причём, визуалью даже с более резким повышением уровня погребённой почвы. Поскольку же этот уровень обрывается восточным склоном балки, то все эти наблюдения могут быть сведены к довольно очевидному выводу. Балка, разделяющая ныне «Каменную Гору» и напольный мыс, — искусственного происхождения, т.е. образовалась в результате воздействия антропогенного фактора.

Таким образом, напрашиваются, по меньшей мере, два вывода. Первый. В эпоху энеолита, предшествующую периоду Чернавода I (горизонт Ib), «Каменная Гора» и мыс в ландшафтном отношении представляли собой единое целое. Второй. Впервые памятник оказался разделённым на две части в период Чернавода I. Именно это население посчитало необходимым соорудить первое простейшее укрепление в виде рва (рис.4) и, тем самым, разделить поселение на укрепленную часть (акрополь) и неукрепленную (?) предместье. Поселение культуры Гумельница, по видимому, следует считать открытым, т.е. неукрепленным.¹²

В более поздние исторические эпохи линия оборонительных сооружений (ров) была перенесена. Во всяком случае, стратиграфические наблюдения показывают, что «наш» ров был засыпан прямыми потомками его строителей, поскольку сверху, на контуре уже заброшенного рва вполне комфортно разместились

¹² Энеолитический слой с материалами культуры Гумельница на «Каменной Горе» был известен давно (Субботин 1986). Сборы подъёмного материала с осыпей «Горы» в 2002-2003 гг. показали, что слой культуры Чернавода I также присутствует на ней. Коллекция даже этого, подъёмного материала эпохи энеолита вполне репрезентативна. Помимо характерной керамики, в неё входят образцы антропоморфной пластики, каменные орудия, фрагменты позднетрипольской расписной посуды.

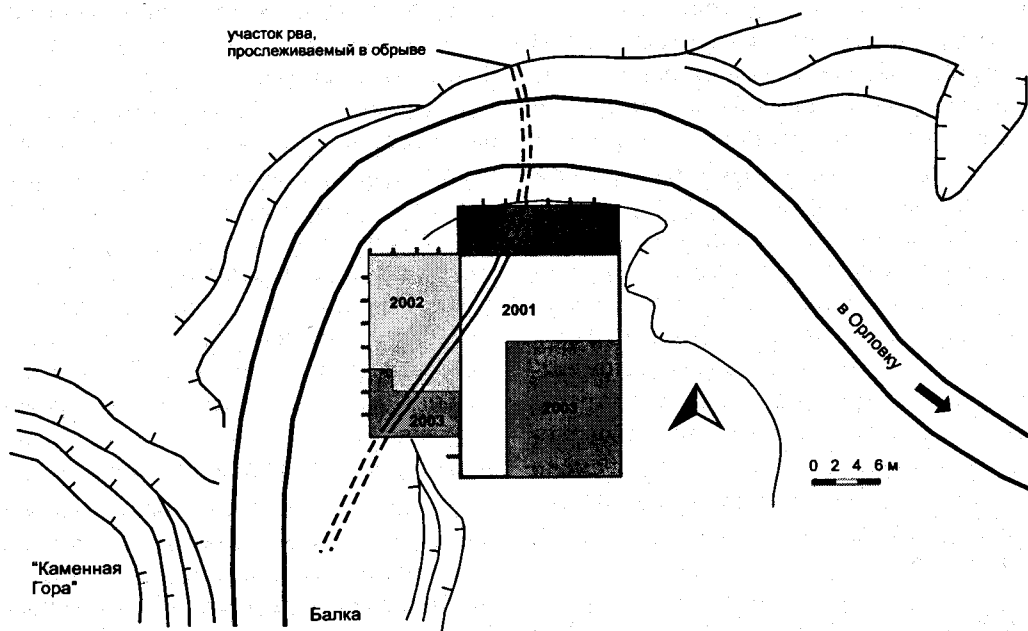

Рис. 3. Раскоп IV/2001-2003, 2007 гг. с остатками рва позднеэнеолитического времени

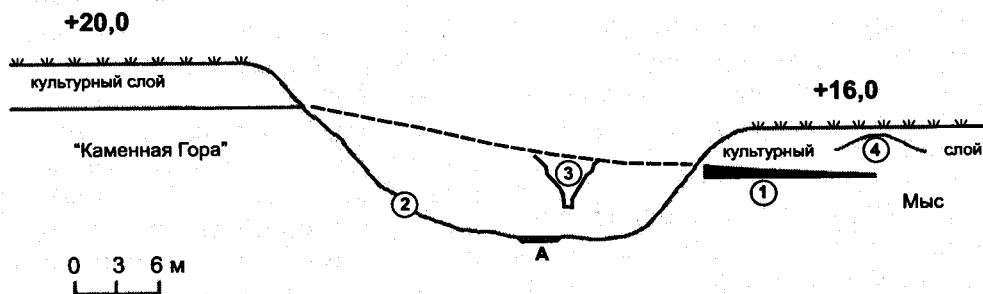

Рис. 4. Реконструируемый профиль дневной поверхности эпохи энеолита (запад-восток):

- ① – погребённая почва энеолитического времени (профиль по раскопу IV);
- ② – современный профиль балки (А – полевая дорога);
- ③ – ров периода Чернавода I;
- ④ – вал V-IV вв. до Р.Х.

2 наземных глинобитных жилища всё той же культуры Чернавода I. Остатки этих жилищ были исследованы в 2001-2002 и 2007 гг. Не исключено, что засыпка рва была вызвана увеличением площади поселения в эпоху позднего энеолита и тогда, возможно, восточнее старого был выкопан новый ров.

История ранней фортификации городища Каргал на этом заканчивается. Судя по имеющимся данным, на протяжении большей части бронзового века территория памятника, включая акрополь и предместье, оставалась практически незаселенной. Во всяком случае, это касается оседло-земледельческого населения¹³. Крупное поселение вновь возникает здесь только в эпоху поздней бронзы (свита культур раннего гальштата). В дальнейшем поселение функционирует почти непрерывно вплоть до конца античной эпохи. Динамика развития фортификации этой эпохи до конца не ясна. Очевидно лишь то, что в римское время здесь существовала небольшая крепость со всеми полагающимися ей сегментами оборонительной линии — стены, башни, ров. Причем, римский ров, по отношению к энеолитическому, был смещен к западу, вплотную к подножию «Горы». Только в южной оконечности линии этих двух траншей могли накладываться друг на друга. И тогда очевидно, что участок энеолитического рва здесь стал жертвой

имперских стандартов, с которыми римляне подходили к строительству вообще и крепостей, в частности.

Был ли Каргал городищем в эпоху, предшествовавшую римскому господству, когда здесь последовательно существовали крупные поселения раннего и среднего гальштата, а также гетской культуры? Если для первых двух эпох вопрос этот остается открытым, то для поселения гетской культуры он, вероятно, может быть снят. Раскопками 2001-2003 гг. был открыт участок суглинистой насыпи оборонительного вала (рис.4), датируемого V – IV вв. до Р.Х.

В заключение, сформулируем то, ради чего, собственно, и публикуется данная заметка и что необходимо будет учитывать в дальнейшем исследователям Каргала и в целом древностей Нижнего Дуная, а также составителям сводов археологических памятников. Поселения «Орловка-I» и «Орловка-II» предлагается впредь считать одним археологическим памятником, наиболее подходящим названием для которого является «городище Каргал» (Бруяко и др. 2003). Для удобства ведения полевой документации, составления отчетов и публикаций укрепленную часть городища (бывшая «Орловка-I») можно обозначить как «Каргал-акрополь», а поселение-предместье («Орловка-II») — «Каргал-посад».

¹³ На территории посада известны отдельные находки и даже комплексы степных культур эпохи бронзы, включая небольшие курганы и отдельные погребения (ямная культура, культура многоваликовой керамики).

Бондарь Р.Д. 1984. Городище у села Орловка // Античные государства Северного Причерноморья. (Археология СССР). М.

Бруяко И.В., Манзура И.В., Субботин Л.В. 2003. Энеолитический горизонт поселения Орловка-II на Нижнем Дунае // АБУ 2001-2002 рр. Київ.

Ванчугов В.П., Бруяко И.В., Сырбу В., Никулицэ И.Т. 1998. Исследования на левобережье Нижнего Дуная // АБУ 1997-1998 рр. Київ.

Ванчугов В.П., Бруяко И.В., Сырбу В., Никулицэ И.Т. 1999. Раскопки Нижнедунайской археологической экспедиции в 1997-1998 гг. // Охрана и исследования памятников археологии в Одесской области. Одесса.

Головки И.Д., Бондарь Р.Д., Загинайло А.Г. 1965. Археологические исследования у с. Орловка Болградского района Одесской области // КС ОГАМ 1963 г. Одесса.

Гудкова А.В., Охотников С.Б., Субботин Л.В., Черняков И.Т. 1991. Археологические памятники Одесской области (Справочник). Одесса.

Михайлеску К.Д. 1990. Происхождение лиманов дельты Дуная. Кишинёв.

Мурзакевич Н. 1844. Открытие древностей близ селения Картал // ЗООИД. Т. I.

Субботин Л.В. 1986. О картографировании гумельницких памятников Юго-Запада СССР // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Сулимов И.Н. 1984. Геология украинского Черноморья. Киев-Одесса.

Тункина И.В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.

Уваров А.С. 1851. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб.

Черныш Е.К., Черняков И.Т. 1964. Археологические разведки в Подунавье // КСИА АН СССР. Вып. 99.

Vančugov V.P., Brujako I.V., Sîrbu V., Niculiță I.T. 1999. Cercetările de la Novoselskoe — Satu Nou. Campaniile 1997-1998 // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. T. III. București.

SUMMARY

The hillfort "Kartal" is the multilevel archaeological site of Eneolithic-Middle Ages period. It is situated on the left bank of Lower Danube nearby from the modern village Orlovka (Reni district, Odessa region). In this article are analyzed topographical changes in site's area, which have been connected with practical activities of ancient population at different historical times.

It is established that site was unfortified in the period of Gumelnitza culture. It occupied high part (acropolis — "Stone Hill") and small territory joined to it (suburb). The inhabitants of the next period — Chernavoda culture (Late Eneolithic) — built the defensive ditch, which has divided the site into two parts — acropolis and suburb — for the first time. In the 4th century B.C. the populations of Getian culture built defensive bank, just over the ditch of Chernavoda period. At last, the terrain has acquired modern view (XIX - first half XX cent.) in the Roman period. It happened after the Roman fort, which defended approach to the crossing of Danube, had been erected here.

ИСКУССТВО БРОНЗОВОГО ВЕКА: ПОГРЕБАЛЬНЫЙ РИТУАЛ

Исследование выполнено в рамках Украинско-Российского научно-исследовательского проекта «Этнокультурные связи степного населения эпохи ранней бронзы от Приуралья до Поднестровья», который осуществляется по результатам совместного конкурса НАН Украины и РФФИ – 2006 (проект № 20-06/06-01-911100 а/у).

В жизни древних обществ искусство выступает не просто как составная часть духовной культуры, но и как инструмент для освоения и организации окружающего мира. Поэтому ранние формы искусства были тесно связаны не только с получением эстетического наслаждения, но, может быть, даже в большей степени служили для передачи сакрального опыта. Отсюда — нерасчлененность в сознании

архаических коллективов таких понятий как искусство-миф-ритуал-игра, формирование своеобразной мифопоэтической Модели мира. Это позволяет видеть в погребальном ритуале источник информации самого разного уровня. Обыденная жизнь людей оказывается наполненной знаками и символами, а в погребальных комплексах отражается жизнь во всем ее многообразии.¹

Мифология и сакральная история культуры.

Каждый элемент культуры обладает значением, несет вложенные в него человеческие смыслы. Мифологемы создают устойчивую структуру смыслов, способных проявляться в различных дискурсах и отражать изначальную систему мифологических значений. Мифология, являющаяся хранилищем, прежде всего, сакральной истории культуры, указывает на непосредственное значение и универсальный характер опыта смерти и возрождения. Многие древние (и современные культуры) обладают живописными историями, рассказывающими о героях, спускавшихся в мир мертвых и, преодолев немислимые препоны, вернувшихся на землю наделенными сверхъестественными способностями.

Комплекс представлений о смерти и посмертной судьбе человека и того социального и культового поведения, в котором эти представления преломляются, оказывается встроенным в контекст всех общественных институтов; в нем находят отражение все социально значимые оппозиции, а оттого роль смерти определяется как социообразующая и структурирующая. Переживание смерти, соответствующие символы, ритуалы и

мифы — неперенные «образующие» ингредиенты любой социально-культурной системы. В архаическом обществе смерть выступала важным (иногда главным) фактором социализации и культурной идентификации личности. С другой стороны, в архаических культурах четко прослеживаются поиски позитивного значения смерти. «Энергия» смерти используется социумом для своего сплочения и в целях выживания. Монументальные погребальные сооружения в этой ситуации служили своеобразным инструментом, обеспечи-

¹ Семиотика — наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем (естественных и искусственных языков). Она изучает характерные особенности отношения «знак — означаемое», распространенного достаточно широко и не сводимого к причинно-следственным отношениям. Термин «знак» понимается в широком смысле как некоторый объект, которому при определенных условиях (образующих в совокупности знаковую ситуацию) сопоставлено некоторое значение, могущее быть конкретным физическим предметом (явлением, процессом, ситуацией) или абстрактным понятием. Ценность семиотики состоит не только в возможности с единой точки зрения рассматривать разные знаковые системы, но и в возможности обнаружить знаковый характер различных ситуаций в человеческом обществе.